

Ли Цинвэнь так и не сел в седло. Он только начал учиться, и мастерства ему явно не доставало. Уходя, Цзян Цун особо наказывал Ли Цинжюю приглядывать за младшим и не пускать его к лошадям. К тому же вещей набралось столько, что одна волокуша их не вмещала, так что новому скакуну пришлось тащить вторую поклажу.

Единственным утешением было то, что на обратном пути мальчику больше не нужно было мерить дорогу ногами.

Когда пришёл час расставания, из конюшен и хлевов вышли старые солдаты, чтобы проводить их; пришла и семья Сунь.

Узнав, что Ли Цинчжо отправляется на учебу в столицу и, возможно, еще нескоро вернется в эти края, Сунь Чанфу специально подготовил для него письмо. Адресовано оно было его близкому другу — чиновнику, служившему в столице. Если у Ли Цинчжо возникнут какие-то трудности, он всегда мог обратиться к нему за помощью.

Ли Цинжуй сходил переговорить с конвоем, после чего, помахав на прощание старине Сину и Суням, повел своих людей вслед за отрядом.

Ехать по проторенной дороге было куда легче. Ли Цинвэнь устроился на волокуше, закутавшись с головой в толстое одеяло, которое надежно оберегало его от ледяного дыхания севера.

Среди их попутчиков были те самые стражники, что сопровождали их в Пограничный город. Тогда из-за обильных снегов они застряли на заставе, а новые метели заставили их отложить возвращение до этого дня. Теперь, когда ссыльные были доставлены на место, их служба считалась исполненной, и начальство не слишком торопило их с докладом.

Десяток воинов ехал верхом или на санях. Груз, предназначавшийся для столицы, был куда ценнее пожитков Ли Цинвэня: тигриные шкуры, медвежья желчь и лапы, отборный женьшень — подарки к юбилею для генерала Линя. Именно этот генерал командовал всеми войсками в Пограничном городе, и господин Чжоу Фэн-нянь был его непосредственным подчиненным.

Несмотря на глубокие сугробы, на волокушах путь продвигался быстрее, чем когда они только шли сюда, вот только лошадям и мулам приходилось несладко. Братья Ли не засиживались на месте: время от времени они спрыгивали на снег и бежали рядом с санями, чтобы разогнать кровь и не окоченеть.

Командовал конвоем десятник по имени Чэнь Вэнь. Человек он был общительный и, когда дорога становилась скучной, не прочь был перекинуться парой слов с путниками. Узнав, какая нужда привела их в эти суровые края, он лишь изумленно покачал головой и уважительно поднял большой палец, глядя на Ли Цинжюя.

Старший брат в ответ лишь скромно улыбался. Он спросил, когда солдаты планируют возвращаться в Пограничье.

— Что, неужто вы хотите снова поехать с нами? — пошутил Чэнь Вэнь.

Ли Цинжуй кивнул:

— Если по времени совпадет, то лучшего и желать нельзя.

У десятника едва челюсть не отвисла. Он никак не мог взять в толк, что творится в головах у этих людей. Сами солдаты уже сыты были по горло этим проклятым местом, где тысячи душ ютятся в глуши, а на сотни ли вокруг — ни единого живого лица. Случись что — все сгниют, и никто не узнает.

К сожалению, из столицы отряд должен был вернуться немедленно, без задержек, к тому же они ехали налегке и верхом, так что взять с собой обоз не могли. Старший брат не слишком расстроился: удастся встретиться в пути — хорошо, а нет — так придется ждать попутчиков в уездном городе. Служивым людям приказ не позволяет медлить.

Ради скорости днем почти не останавливались: жевали сухой паек прямо на ходу и лишь к вечеру устраивались на ночлег.

Среди них было много опытных путников. Они ловко ставили палатки, складывали из камней очаги и топили снег. Глоток горячей воды после долгого дня казался высшим блаженством.

Ли Цинвэнь после ужина всегда шел проведать мула и свою кобылицу. Он осматривал их копыта, поил теплой водой и задавал корм. Пока животные ели, он заботливо расчесывал их гривы; лошадь и мул стояли смирно, лишь довольно поводя ушами.

Поскольку кобыла была сильнее мула и тащила на себе больше груза, Сынок уделял ей больше времени, поглаживая и почесывая её шею.

Удача сопутствовала им: в пути не случилось ни буранов, ни метелей, и они одним махом добрались до первой почтовой станции. Благодаря заступничеству Чэнь Вэня четверка получила бесплатный обед и соленья. Ли Цинчжо, заметив у кого-то из станционных служащих следы обморожения, помог обработать раны и оставил две баночки целебной мази.

В тех краях на много ли вокруг не было ни деревень, ни сел. Случись что — за лекарем пришлось бы ехать на следующую станцию, до которой было не меньше сотни ли, да и там не факт, что нашлись бы нужные снадобья. В благодарность за помощь станционный смотритель велел насыпать им побольше фуража.

За станцией дорога нырнула в густой лес. Вспоминая былые невзгоды, Ли Цинвэнь поначалу

робел, но на сей раз всё было иначе: лесные звери либо спали в норах, либо попрятались так глубоко, что даже голод не выгнал их к людям.

Снег в лесу лежал плотным ковром, скрывая под собой павшие ветви. Волокуши то и дело застревали, и скорость упала. Зато на чистом снегу не было видно следов хищников, и страх постепенно отступил.

Понимая, что впереди будет трудно найти дрова, они принялись собирать сушняк и грузить его на сани. Путники спрыгивали и шли пешком, чтобы не перегружать животных лишним весом.

Так прошло больше двадцати дней. Путь был спокойным, и все уже начали верить в доброе предзнаменование, как вдруг, в один из вечеров, когда они только начали разбивать лагерь, из лесной чащи вырвалась стая диких кабанов.

Звери с ходу перевернули палатки и котлы. Чэнь Вэнь и его люди, опешив от неожиданности, тут же сгрудились у саней. Кто-то выхватил сабли, кто-то схватился за луки. Но кожа вепрей была жесткой и толстой, точно броня — стрелы отскакивали от неё, не причиняя вреда.

Попытка отбиться лишь разъярила зверей. Кабаны с удвоенной силой ринулись в атаку. Послышались крики боли: кого-то сбили с ног, кого-то распороли клыками.

Звери были огромными, угольно-черными; в каждом — не меньше трех-четырёх сотен цзиней веса. Длинные, загнутые клыки скалились в свете гаснущего костра — зрелище было по-настоящему жутким. Эти живые горы мяса неслись сквозь глубокий снег, не замечая преград; казалось, сама земля содрогалась под их копытами.

Сынок замер в оцепенении. Дикие боровы ничем не напоминали домашних свиней — теперь он понимал, почему даже такой опытный воин, как Цзян Цун, когда-то не смог избежать ран.

Видя, что люди Чэнь Вэня не справляются, Ли Цинжуй выхватил все запасы сосновых лучин.

— Несите одеяла! — закричал он, принимаясь поджигать смолистые палочки.

Сосна, пропитанная смолой, вспыхнула мгновенно. Ли Цинвэнь бросил два одеяла в огонь, и языки пламени жадно вгрызлись в шерстяную ткань. Превозмогая боль от жара, Ли Цинжуй подхватил горящие одеяла и швырнул их прямо в гущу разъяренных зверей.

Звери — они и есть звери. Какими бы свирепыми ни были кабаны, огонь вселял в них первобытный ужас. Увидев летящее на них пламя, стая в панике разбежалась.

Ли Цинвэнь и Ли Маоцзюнь тут же принялись раздувать огонь на земле, чтобы он горел еще ярче, а Ли Цинчжо поспешил к раненым.

Лагерь представлял собой печальное зрелище. Те, кто уцелел, заново ставили палатки и вешали котлы; раненые, морщась от боли, кляли свою неудачу. И надо же было такому случиться — кабаны вышли на охоту именно в ту минуту, когда костер еще не успели разжечь. Гори он в полную силу, звери бы и близко не подошли. К счастью, раны оказались неглубокими, и после обработки лекарем жизни воинов были вне опасности.

Чэнь Вэнь поблагодарил Ли Цинжюя. Он не стал рассыпаться в похвалах, лишь наказал обращаться к нему, если в Пограничном городе возникнут какие-то нужды. Старший брат не придал этому значения: в пути все попутчики — братья, как же не помочь друг другу?

Сгоревшие одеяла пришлось заменить шкурами. Чэнь Вэнь принес два куска овчины; мех на них местами облез, но кожа была толстой и грела не хуже прежнего. Ли Цинжуй, морщась от боли, нанес мазь на ожоги; руки саднило, но он не стал стирать лекарство. В такой мороз любая рана могла обернуться бедой.

Младший брат спал в одном мешке со вторым братом. Перед самым рассветом он проснулся от холода и, еще не успев открыть глаза, негромко позвал:

— Старший брат Цзян?..

Оглядевшись и поняв, где находится, он молча укутался поплотнее.

«Интересно, где сейчас Цзян Цун? Хоть бы им не встретились такие звери на пути...»

На следующий день они продолжили путь на юг, став втрое осторожнее. Наконец впереди показались стены города Лунбэй. После безлюдной глуши вид городской суеты, конных и пеших путников был непривычен.

Прохожие с любопытством поглядывали на их волокуши — в этих краях такая упряжь была в диковинку. Ли Цинвэнь, не желая привлекать внимания, сильнее закутался в свой воротник из кроличьего меха.

Здесь их пути разошлись. Стражники ускакали вперед, а Чэнь Вэню и братьям Ли предстояло сменить волокуши на телеги: дальше снег лежал не везде, и полозья только мешали бы. У Ли Цинжюя в кошельке было пусто, и он уже собирался продать пару шкур, чтобы нанять транспорт, но десятник договорился на почтовой станции, и им выделили две лишние повозки.

Старший брат поначалу отказывался, но Чэнь Вэнь настоял на своем. При расставании он напомнил, что они обязательно должны выпить по чарке, когда вернутся в Пограничье.

На телегах четверка быстро миновала Лунбэй. На юге снег еще лежал, но слой его был тонким:

местами он был укатан колесами, местами — подтаял на солнце и превратился в коварный лед. Колеса скользили, и ехать приходилось медленно. Через несколько дней перед ними выросла громада города Фанъян.

Фанъян был куда величественнее Лунбэя. Тот был крепостью — суровым оплотом против северных варваров с мощными, высокими стенами и широкими воротами, на которых шрамы от былых сражений внушали невольный трепет. Стены Фанъяна были ниже, но сам город раскинулся на огромном пространстве. Издалека виднелись крыши высоких теремов, а у ворот толпились сотни повозок и людей — жизнь здесь кипела ключом.

На въезде солдаты остановили их для проверки. Увидев пушнину, они велели отогнать телегу в сторону и принялись расспрашивать, откуда взялся такой товар. Ли Цинжуй ответил честно, но стражники всё равно вытрясли из них налог за провоз товара, точно с заправских купцов.

Поскольку серебра у них не было, пришлось отдать часть шкур. Цену за них дали бросовую, и у Ли Цинвэня сердце кровью обливалось при виде такой несправедливости. Он дал себе зарок: впредь всегда иметь при себе запас денег, иначе на каждом шагу будут обдирать как липку. В Лунбэе они ехали под защитой Чэнь Вэня, и их не смели притеснять, а здесь заступников не нашлось.

В первый день в Фанъяне они чувствовали себя чужаками. Не зная, куда податься с товаром, они решили для начала устроиться в постоялом дворе. В дешевых ночлежках не было места для лошадей, так что пришлось раскошелиться на заведение подороже. Фураж тоже закончился, и за прокорм мула и кобылы с них затребовали лишнюю плату.

Отказавшись от помощи слуг, братья сами перетаскивали тюки в комнату. Сынок первым делом стянул сапоги: подошвы промокли, и ноги неприятно ныли. Они попросили жаровню и принялись сушить обувь. Запах в комнате стоял не из приятных, но усталость была столь велика, что на такие мелочи никто не обращал внимания.

Немного переведя дух, они заказали еды. Пустая лапша стоила по несколько монет за миску — если бы не лютый голод, такие траты показались бы грабежом. Пока они ели, внизу слышались голоса новых постояльцев. Люди жаловались, что мест нет, а хозяин оправдывался тем, что скоро весна и народу станет еще больше.

После трапезы Ли Цинвэнь выглянул в окно. Улицы были забиты народом, крики зазывал сливались в единый гул — после тишины уезда Люшань это место казалось Вавилоном.

Мальчик очень хотел выйти и посмотреть на диковинки, но силы оставили его. Он рухнул на кровать прямо в одежде и мгновенно уснул. Постели были жесткими и тонкими, так что Ли Цинчжо подстелил под них те самые шкуры, на которых они спали в дороге. Старшие, измотанные не меньше младшего, помогли друг другу раздеться, а потом Ли Цинжуй стащил одежду и с Сынка — тот лишь сонно что-то пробормотал, когда его укладывали под одеяло.

Трое взрослых тоже едва держались на ногах. Заперев дверь на засов и поставив у порога таз с

водой, они забылись тяжелым сном.

Ли Цинжуй проснулся с первыми лучами солнца. В этот раз он не стал заказывать еду на постоялом дворе, а сходил на рынок и принес целый узел горячих баоцзы.

«Как же так? — Сынок, натягивая одежду, всё гадал. — Неужто я вчера сам разделся во сне?»

Расспросив слугу о лавках, скупающих пушнину и травы, старший брат и Ли Маоцунь отправились в город, оставив младших охранять добро. Фанъян был по-настоящему огромен. Пока они обходили торговые ряды, солнце уже перевалило за полдень.

Вернувшись, они перекусили и стали спускать тюки вниз. Слуга поинтересовался, останутся ли они еще на ночь, и Ли Цинжуй велел приберечь комнату. Дел в городе было невпроворот, за один день не управиться.

Уложив товар на телегу, они первым делом поехали к меховщикам. Они заметили несколько лавок с добрым именем и решили прицениться, предлагая шкурки снежных зайцев. Обычно у таких торговцев глаз наметан, и цены они дают схожие, но их зайцы заставили мастеров призадуматься. Шкурки из Пограничья были вдвое гуще и мягче любых других, но выделка была из рук вон плохой. К тому же из-за долгого хранения мездра пересохла, и повторная обработка могла испортить мех.

В первых двух лавках дали невысокую цену. В третьей же хозяин оказался осторожнее: он предложил купить две шкурки на пробу, чтобы посмотреть, как они поведут себя при выделке. Если всё пройдет гладко — он пообещал не скупиться. Оставив ему часть товара, они отправились к аптекарям. Едва взглянув на способ обработки корней, лекари в лавке подобрались. Они долго шептались у прилавка, тщательно осматривая каждый корешок, и наконец назвали цену.

Ли Цинчжо лишь покачал головой. Они дважды набавляли цену, но юноша стоял на своем. В конце концов позвали хозяина, и после долгих споров сделка состоялась. Пока отсчитывали серебро, хозяин аптеки вкрадчиво поинтересовался, где молодой человек учился искусству. У него, мол, как раз не хватает верных людей, не желает ли тот поступить к нему в лавку?

— Благодарю за милость, — вежливо отказался Ли Цинчжо.

Аптекарь, заметив у него в руках еще один мешочек, спросил:

— А что в этом свертке? Покажи-ка.

— Это для моего наставника, не продается, — отрезал юноша.

Хозяин, облокотившись на прилавок, лениво протянул:

— И кто же твой учитель?

Едва Ли Цинчжо назвал имя лекаря Люй, аптекарь оживился.

— Слышал, слышал. Хорошая слава о нем идет, а вот о вашем хозяине и говорить нечего... — добавил он.

Наконец вынесли серебро. При братьях Ли взвесили каждый слиток, пересчитали и, сложив в кошель, вручили хозяевам. Аптекарь, провожая их до дверей, не удержался:

— Не будь ваш товар таким отменным, я бы в жизнь столько не дал. Если еще раздобудете такие коренья — везите сразу ко мне!

Когда они вышли из лавки, у Ли Маоцюня поджилки затряслись. Он присел на край телеги и едва не свалился на землю. В этот миг его охватило такое раскаяние, что хотелось самого себя по щекам отхлестать. Ли Цинчжо ведь говорил, что эти линчжи стоят дорого, а он не верил! Если бы той ночью он не спал, а собирал грибы не покладая рук — сколько бы еще серебра у них было! Впрочем, досада быстро сменилась изумлением.

— Что ты сказал, племянничек? — Ли Маоцюнь подался вперед.

— Дядя, я говорю, что деньги за травы и пушнину мы поделим поровну, — повторил Ли Цинжуй.

— Нет, так нельзя! — замахал руками дядя. — Я ведь только с вами за компанию по морозу бегал. Ни охотиться не умею, ни в травах не смыслю. Совесть замучит такие деньги брать.

Навстречу ехал обоз, и Ли Цинчжо, поджимая ноги, чтобы не задела, вставил:

— Дядя, старший брат хочет сказать, что мы делим на всех. Не только на четверых, но и на Цзян Цуна с его людьми. Мы всё это добро одной гурьбой добывали, значит, и доля у каждого должна быть.

Ли Маоцюнь всё равно упрямылся, твердя, что его заслуги тут нет — он в тех лесах и сторон света-то не различал, без проводников и дома бы не нашел.

Ли Цинвэнь вмешался:

— Дядя, нам в Пограничном городе еще столько всего закупить надо, вам эти деньги пригодятся. К тому же — это только за этот раз, а дальше видно будет.

Под напором троих братьев Ли Маоцюнь наконец сдался.

Шкуры так быстро было не продать, и они отправились на поиски каравана в провинцию Хунчжоу. Найти торговый дом было легко, а вот выбрать надежный — трудно. Вещей у них было много, и риск потерять нажитое был велик. Проходив два дня, они наконец нашли объединение, которое десятилетиями водило караваны между Фанъяном и Хунчжоу. Узнав, что обоз двинется на юг только через полмесяца, братья успокоились.

Через два дня пришел слуга из меховой лавки и пригласил их для разговора. Едва путники вошли, хозяин показал им выделанные заячьи шкурки. Белый мех стал пушистым, а сама кожа — мягкой и податливой, с легким приятным ароматом. Теперь товар выглядел вдесятеро дороже. Хозяин сдержал слово и дал хорошую цену. Братья принесли остальные шкуры, и мастер принялся их осматривать. Глядя на каждую, он только сокрушенно вздыхал и причмокивал языком. Проверив пять-шесть штук, он не выдержал:

— Так испортить мех — это же грех смертный!

Ли Цинжуй только криво усмехнулся. Плохая выделка — всё же лучше, чем никакой, а они и того не умели. Мастер, видимо, всей душой болел за свое дело и даже дал им пару советов: где нужно быть осторожнее и как сохранить мездру в целости. Хозяин лавки не только не мешал мастеру, но и сам научил их, как беречь пушнину от моли. Ли Цинвэнь прилежно кивал, и прежде чем они покинули лавку, он закупил целую гору пахучих мешочков с отравой для вредителей. Хозяин, расщедрившись, добавил еще десяток в подарок.

Глядя на сияющего от счастья младшего брата, Ли Цинжуй лишь тихо вздохнул. Сказать, что малец глуп — язык не повернется, умен не по годам, но порой впадает в такое ребячество, что сердце не на месте.

Последние несколько шкур они решили не продавать. Ли Цинжуй попросил мастера выделать их как следует — они заберут их через несколько дней. Видя, какую прибыль принесли ему лесные зайцы, хозяин лавки даже не взял с них денег за работу, пообещав, что их заказ исполнят первым делом.

Когда все дела были закончены, четверка собралась в комнате, чтобы разделить добычу. Ли Маоцюнь никак не мог усидеть на месте; он то и дело тер глаза, словно боясь проснуться. Ему казалось, что Ли Цинвэнь был прав: когда-нибудь они и впрямь смогут собрать эти несметные двадцать тысяч лан серебра...

Сынок, не дожидаясь, пока старшие начнут раскладывать слитки, в уме мгновенно высчитал долю каждого. Ли Цинжуй пораженно взглянул на него, перепроверил расчеты и ахнул:

— Сынок, с такой головой тебе в книжники надо, не иначе.

Ли Цинвэнь тут же плашмя рухнул на кровать, прикинувшись неживым. Брат рассмеялся и не

стал его больше донимать. К счастью, серебро у меховщика они взяли мелкое, так что делить его было несложно. Ли Маоцюнь сжимал в руках свою долю — больше десяти лан серебра, и руки его заметно дрожали.

— Дядя, вы их повыше держите, — поддразнил его Ли Цинвэнь. — Если что из пальцев выскользнет — то моё будет.

Ли Цинчжо шутливо щелкнул его по уху:

— Совсем стыд потерял.

На следующий день они отнесли письма и деньги в караван. Теперь одной заботой стало меньше.

У Сынка был длинный список покупок, и он принялся обходить лавки Фанъяна, прицениваясь и скупая всё, что было дешевле, чем в уезде Люшань. Железные котлы, плотницкий инструмент, семена овощей, саженцы плодовых деревьев, приправы, лекарственные травы... В краях, где земли вдоволь, семена были ценнее золота. При покупке он дотошно расспрашивал, как и что сажать. Приказчики в лавках смотрели на него с недоумением.

Ли Маоцюнь только глазами хлопал, глядя на траты племянника. Хотел было сказать, чтобы тот попридержал копейку, но как вспомнил, какая даль до Пограничного города, так и язык прикусил. Свои деньги он тоже отдал Ли Цинвэню, попросив закупить всё необходимое и для его дома. Мальчик с радостью взялся за дело.

Ли Цинчжо же купил тушь, кисти и две тонкие книги. Ли Цинвэнь не выдержал:

— Второй брат, купишь всё в столице. Зачем тащить такую тяжесть через три провинции?

— Это тебе, — ответил Ли Цинчжо. — Пора тебе за грамоту браться.

Сынок поперхнулся словами. Стоила эта бумага с тушью баснословно дорого, и у него сердце кровью обливалось. Теперь-то он понял, почему древние мудрецы читали при свете луны да светлячков ловили: ученье — дело разорительное. Стоило начать, как деньги стали таять на глазах. Мальчик только вздохнул: когда же у них будет столько серебра, чтобы не считать каждую медяшку?

Забрав готовые шкуры, четверка погрузила всё добро на телегу и двинулась к уезду Люшань. В пути они миновали небольшой городок. Увидев, как люди со своими мисками спешат к лавке за свежим тофу, про который шла слава, Сынок тоже спрыгнул с телеги и купил полкадки. Хозяин лавки, завидев его старую посудину, разговорился и, узнав, откуда они держат путь, только заохал от сочувствия. Он налил им по чашке горячего соевого молока, и братья двинулись дальше.

На ночлеге кадку с тофу выставляли на мороз, так что за несколько дней пути он не испортился. Дороги вокруг Фанъяна были отменными, но стоило им пересечь границу провинции Бинчжоу, как колеса стали вязнуть в рытвинах. Бинчжоу был беден, а последние правители больше заботились о своих карманах, так что деревни вокруг выглядели запущенными. Впрочем, близость дома грела сердца, и на тряску никто не жаловался.

Деревня Тополиная

Едва телега въехала в уезд Люшань, Ли Цинвэнь от избытка чувств спрыгнул на землю и побежал впереди, проваливаясь в снег. Зимой люди неохотно покидали дома, и по пути до Тополиной деревни им не встретилось ни одной знакомой души. Лишь деревенские ребятишки с любопытством уставились на лошадь и мула. Узнав братьев Ли, они с радостным криком бросились за ними.

Целая ватага детей добежала за повозкой до самых ворот семьи Ли. В это время Ли Цинфэн как раз выходил из нужника. На ходу застегивая штаны, он поднял голову и, онемев от неожиданности, замер. А в следующий миг по всей округе разнесся его вопль:

— Брат! Второй брат! Сынок!!!

Ли Цинвэнь едва не отлетел в сугроб от богатырского объятия Ли Цинфэна. К счастью, на нем была толстая шуба, иначе костей было бы не собрать. С Ли Цинчжо же просто сорвали меховую шапку; не успел он наклониться, как какой-то мальчишка подхватил её, восхищенно погладил мягкий мех и, сияя грязной рожцей, протянул хозяину.

Ли Цинжуй еще не успел завести мула в ворота, как дверь дома распахнулась, и на порог выбежали Ли Маосянь и госпожа Чэнь. Разлука длилась всего несколько месяцев, но казалось, прошла целая вечность. Вернувшись в этот родной дворик, все почувствовали несказанное облегчение. Сынок уткнулся лицом в плечо матери, и в глазах у него защипало. Не успели они обменяться и парой слов, как их втащили в тепло. Госпожа Цзян, утирая слезы, осматривала каждого:

— Слава небу! Все живы, все вернулись!

Ли Цинвэнь хотел было вставить, что невестка радуется слишком рано и им скоро снова в путь, но вовремя прикусил язык. Всё-таки в семье не без уroda, но эту дурную привычку — говорить не вовремя — он второму брату оставит.

Десятки рук потянулись к ним, помогая стянуть тяжелые шубы, и погнались греться на кан. После долгой дороги всё тело ныло, а сидеть на жестком было сущей мукой, так что Ли Цинвэнь просто стащил подушку и растянулся у стены. Ли Цинхун ласково погладил младшего по голове:

— Сынок, я еще и разглядеть тебя не успел, а ты уже улегся. Неужто занемог?

— Есть такое, — отозвался мальчик. — Спина болит и сидеть мочи нет.

— Это с чего же она болит? — встревожилась матушка. — Простудился или ушибся где?

— Всё в порядке, матушка, это от телеги, — успокоил её Ли Цинжуй. Он тоже поерзал на кане — сидеть и впрямь было больно.

Госпожа Чэнь облегченно вздохнула и прикрикнула на них:

— Ишь какие неженки! Уж и на телеге им ездить неважко.

Ли Маоцюнь вставил:

— Сноха, вы не ворчите. Какого бы добра молодца ни посадить на доски на три недели, он тоже заскулит.

Госпожа Чэнь принесла еще подушек и рассмеялась:

— Ладно уж, лежите да рассказывайте.

Ли Цинжуй принялся описывать дорогу и житье в Пограничье. Ли Маосянь слушал, согласно кивая:

— Пока голова на плечах — всё поправимо. Благодетель Цзян молод и силен, с его умениями он там не пропадет, если только перетерпит лихую годину.

Глава семьи повернулся к брату:

— Брат, я перед тобой в вечном долгу. Если бы ты не присмотрел за этими сорванцами, я бы извелся весь. И за ними бежать страшно — дом не бросишь, и здесь сидеть — душа не на месте.

— Да что вы, брат! — смущенно заерзал Ли Маоцюнь. — Это не я за ними, а они за мной присматривали... Ваши сыновья — настоящие орлы. В деревне-то некоторые потешались над вами, мол, чего хитрого — иди себе да иди, только ноги переставляй. Пустозвоны они, жизни не видели. Побывав в Пограничном городе, я понял, какой это тяжкий хлеб. Вы в свое время были героем, и сыновья ваши ничуть не хуже.

Ли Маосянь посмотрел на обветренные лица детей и кивнул:

— Раз дядя хвалит — значит, так оно и есть.

Госпожа Чэнь сияла как весеннее солнце: её сыновья — молодцы, кровь не водица! Ли Чжэнлянь напялил отцовскую шапку — она сползла ему на самые глаза, но снимать её он и не думал. С разбегу он ткнулся головой в плечо второму дяде. Ли Цинчжо поправил ему шапку, а мальчишка принялся допытываться, что это за мех такой чудный. Госпожа Цзян тем временем щедро подбрасывала дрова в печь. Вскоре кан раскалился так, что Ли Цинвэню пришлось ворочаться с боку на бок. Матушка подложила под него еще один матрас. Вскоре поспел обед. Невестка заглянула в комнату:

— Щи с кислой капустой будете?

Сынок тут же вспомнил про тофу и велел добавить его побольше. Госпожа Цзян ушла хлопотать, а Ли Маоцзюнь собрался было домой, но старший племянник удержал его за рукав:

— Куда вы, дядя? Сынок всю дорогу твердил, какой этот тофу вкусный, отведайте сначала.

— И что в нем такого особенного? — высунул голову Ли Чжэнлянь.

— Скоро узнаешь. Этот тофу твой младший дядя вез за двести ли специально для нас, — пояснил Ли Цинжуй.

Услышав про такую даль, матушка только руками всплеснула:

— Господи, да неужто он того стоит — везти из такой дали?

— Это еще что, — вставил Ли Цинчжо. — Наш Сынок хотел из самого Пограничья рыбу везти, да мы со старшим братом отговорили — побоялись, что протухнет. А как въехали в Бинчжоу, так и поняли, что зима нынче лютая, холода еще держатся. Ох и сокрушался он потом!

У госпожи Чэнь глаза на мокром месте:

— Ох, младшенький мой, золотое сердце...

Ли Цинфэн, не любя девичьих слез, перебил её:

— Матушка, чего плакать-то? Рыбы-то всё равно нет. Вот как наедемся в следующий раз, тогда и поплачете.

Все рассмеялись, а матушка только шутливо пригрозила ему пальцем. За разговорами и шутками подали обед. В доме было прохладно, и пар от чашек стоял столбом. Все ели с таким

аппетитом, что даже вспотели. После трапезы отец пошел проводить брата до дома второго дедушки. Когда со стола убрали, все снова забрались на теплый кан. Вскоре вернулся и отец. Ли Цинжуй принялся расспрашивать о делах в деревне, и хотя матушка уверяла, что всё хорошо, по её лицу было видно — на душе беспокойно. Не дожидаясь расспросов, Ли Цинфэн выпалил:

— Да что хорошего-то? Отца чуть в казематы не упекли!

Братья вскочили как ошпаренные.

— Как это — в казематы?! Что случилось?

Ли Маосянь попытался их унять:

— Не слушайте вы этого горлопана. Вызывали меня в управу, только и всего. Дела я не совершал, за что же меня в колодки?

Но Четвертого брата было не остановить. Он выложил всё как на духу. Слух о том, что из сладкого сорго можно варить сахарную патоку, разлетелся по округе. В соседней деревне жил некий Фан Датоу, зять тамошнего повара из уездной харчевни. Стражники из управы частенько заходили к нему пропустить по чарке. За вином они жаловались, что грядет проверка, и глава уезда требует от них похвальных дел. Стражники поносили судью. Тут Фан Датоу и решил выслужиться — рассказал про сахар из сладкого сорго. Стражники поначалу решили, что тот над ними издевается, но когда тот стал божиться, решили проверить. Расспросили в округе — и впрямь правда.

Служивые тут же кинулись в Тополиную деревню за Ли Маосянем, но того дома не было. Принялись трясти госпожу Чэнь. Женщины, помня наказ, твердили одно: «Знать ничего не знаем». Тогда стражники собрали старосту Го Дацюаня и деревенских старейшин. Те про патоку слышали, но всё сорго давно переработали, а сладости съели или продали. А без патоки и самого отца — что судье предъявишь?

Ушли стражники ни с чем, затаив злобу. На самом деле деревенские просто боялись за семью Ли. Наобещают серебра, а на деле — шкуру спустят. Кто ж в здравом уме властям поверит? Но стражники закусили удила — не хотели упускать добычу. Каждый день являлись в дом, вели себя всё наглее. Если бы не Ли Бэньшань, который заговаривал им зубы, матушку бы точно до смерти напугали. Едва отец вернулся, как на пороге выросли воины с саблями. Даже слова сказать не дали — под руки и в управу.

В управе Ли Маосянь твердил свое: дескать, семена и способ ему ведомы от заезжего друга, а сам он человек простой. Узнав, что «друг» его служит в уезде Ли помощником главы уезда, стражники поняли, что их обошли. Каждому главе уезда нужны заслуги, и уезд Ли, верно, уже доложил наверх о сахаре. Поняв, что награда уплыла из-под носа, стражники сорвали злость на отце — бросили его в холодную, сказав, что будут допрашивать его об искусстве варки сахара, и ушли.

Матушка совсем извелась: ходила к старосте, к Ли Бэньшаню — те в управу, но их и на порог не пустили. Пришлось идти на поклон к Чэнь Шаньяню. Тот выслушал и смекнул, что стражники просто куражатся над мужиком, беды большой нет, но виду не подал — стал говорить о «связях» и «расходах». Свои люди, не чужие. Матушка в слезы: «Денег нет, всё дети с собой забрали». Тогда Чэнь Шаньянь снова завел старую песню про сахар. Госпожа Чэнь научила его слуг всему, что знала, и в тот же день Ли Маосяня отпустили.

Ли Цинфэн в сердцах обругал дядюшку «псом неблагодарным», и хотя имени не назвал, все поняли, о ком речь. Матушка тогда только о спасении мужа думала, а теперь и сама поняла, как их обвели вокруг пальца. Видя, что мать снова готова разрыдаться, Ли Цинжуй поспешил сменить тему:

— Всё хорошо, что хорошо кончается! Главное — отец дома. А у нас для вас еще одна весть припасена!

Все замерли. Старший брат хлопнул среднего по плечу и провозгласил:

— Наш Цинчжо в столицу едет, в Академию!

— Неужто правда?!

Крик был такой силы, что с потолка посыпалась пыль. Старший сын в красках расписал всё дело, и лица домашних озарились несказанным восторгом.

— Ох и Сынок! — приговаривали они. — Ведь надо же, какую диковину придумал! И Цзян Цун — добрая душа, вовремя подсказал. Если бы не он, в жизнь бы не догадались! Не зря Цинчжо в такую даль ездил...

Волосы Сынка в очередной раз превратились в воронье гнездо от ласк родных. Он попытался спрятаться за спину отца, но его тут же вытянули обратно. Госпожа Цзян тоже не скрывала радости:

— Видать, судьба это нашего Цинчжо. Не поехали бы в Пограничный город — не видать бы ему такой милости.

— Ох, а где же она, эта столица? — засуетилась матушка. — Небось не дальше Пограничья? Холодно ли там? Надо одежды побольше справиться, говорят, в тех краях всё дорого...

Ли Маосянь прервал её:

— Надо с лекарем Люй переговорить. Он на тебя большие надежды возлагал, горько ему будет расставаться. — произнес он.

Ли Цинчжо кивнул. Он решил завтра же с утра отправиться в уездный город. Ли Цинфэн тут же вызвался сопровождать брата, но Ли Цинхун остудил его пыл:

— Второй брат в столице останется, а ты как — один назад пойдешь?

— А что такого?! — выпятил грудь младший четвертый брат.

Ли Цинчжо возразил:

— Не нужно меня провожать. Доеду до Фанъяна, там караванов до столицы — пруд пруди, с ними и двинусь.

Сынок удивился: оказывается, брат уже всё продумал. Матушка всё же тревожилась, но Ли Цинчжо успокоил её:

— Не бойтесь, матушка. Торговые люди ту дорогу не одну сотню раз исходили, они её лучше нас знают.

Радость за сына была велика, но следом пришли мысли о серебре. Кое-какие накопления были, но теперь-то мощна опустела... Пока госпожа Чэнь гадала, у кого и сколько просить в долг, Ли Цинжуй достал кошель.

— Отец, матушка, о деньгах не печальтесь. Вот что у нас осталось после продажи товара.

Глава семьи, увидев россыпь серебра, ахнул:

— Откуда же столько? Ведь те деньги, что вы брали, почти все на мула да на подкуп должны были уйти!

— Те-то ушли, — ответил старший сын. — Но мы из Пограничья не с пустыми руками вернулись. Шкуры да травы продали выгодно, и на нас троих вышло больше сорока лан.

— Сорок лан?! — все замерли. Как это — в ледяной пустыне такие богатства водятся? Ли Цинвэнь не выдержал:

— Матушка, это ведь и друзьям нашим доля вышла! В Фанъяне мы их часть с письмами в провинцию Хунчжоу отправили.

— Ох, батюшки! На столько людей — это ж сколько серебра-то вышло! — ахнула госпожа Чэнь.
— Мне и в жизнь не сосчитать!

Ли Цинчжо рассмеялся:

— Матушка, Сынок наш хочет сказать, что в Пограничном городе сокровища под ногами валяются. Телом он здесь, а сердцем — всё там, в лесах.

— Неужто и впрямь там так хорошо? — любопытствовали домашние.

И Ли Цинвэнь принялся рассказывать: про охоту и зимнюю рыбалку, про лютые морозы и бескрайние снега. Родные слушали, то ахая от удивления, то крестясь от ужаса.

— Ох, ну и снега! — качали они головами. — Страсть Господня!

— И что, правда зверья столько? А линчжи — настоящие? А кедровые орешки вкусные?

— И как же рыба в такой мороз не мерзнет?

Вопросам не было конца. Ли Маосянь посмотрел на младшего сына и тихо вздохнул. Плохо, когда у ребенка своей воли нет, но когда воли через край — за него тревожно вдвойне.

<http://bllate.org/book/15828/1439968>